

ной тезис Гельвеция, согласно которому все в человеческой психике определяется ощущением. «О гордое насекомое! — говорит автор, обращаясь не только к самому себе, но к человеку вообще, — дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе. Гордись своим рассудком, но прежде восприими, чтобы острие тебя не язвило и сладость тебе не была приятна» (I, 140). В анализе художественной структуры «Дневника» исследователи выделяют различные стороны. В данном случае нас интересует «гносеологический» аспект «Дневника», отмеченный в свое время Ю. М. Лотманом. «У Радищева, — пишет исследователь, — психологический анализ строится по схеме: внешние обстоятельства — чувство — мысль. <...> Радищева интересует не „мир души“, а изображение механизма отражения окружающей действительности в психике человека».¹⁸ Однако в психологических переживаниях «Дневника одной недели» как раз и обнаруживается несоответствие «механизма отражения» жесткой гельвецианской схеме. Именно в художественной сфере произведения механистичность причинно-следственного ряда разрушается, психологический анализ чрезвычайно усложняет схему. Оказывается, что единственные источники нашего познания мира — чувства и ощущения — весьма противоречиво и неоднозначно соотносятся с тем психологическим комплексом, которым определяется душевное состояние человека. «Я убоялся сам себя — и пошел искать мгновенного хотя спокойствия вне моего существа, — говорит автор «Дневника». — Ужели человек толико раб своей чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно востревожится?» (I, 140).¹⁹ Состояние души героя таково, что, кажется, никакие факторы внешнего мира не могут смягчить остроту его внутренних переживаний. Однако в анализе своих ощущений герой доходит до предельного самообнаружения, и оказывается, что «скорбь и ад» души есть в известной мере результат рефлектирующего сознания, раздраженной чувствительности. Саморазоблачение героя поистине беспощадно: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! — нет — оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки — оставь меня. Я хочу поститься. Я им принесу в жертву ... *почто ты лжешь сам себе?* Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не

¹⁸ Лотман Ю. М. О некоторых вопросах эстетики А. Н. Радищева. — Научные труды, посвященные 150-летию Тартуского государственного университета. Таллин, 1952, с. 177.

¹⁹ Ср. рассуждение Гельвеция: «... физической чувствительностью объясняются слезы, которые я проливаю над урной друга. <...> Я оплакиваю в нем человека, беседа с которым избавляла бы меня от скуки — этого душевного недомогания, являющегося в действительности физическим страданием. <...> Если погрузиться в глубины своей души и покопаться в них, то во всех этих чувствах можно заметить лишь дальнейшее развитие физического удовольствия или страдания» («О человеке», с. 89—90).